

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Практика освобождения крестьян в вольные хлебопашцы в царствование Александра I

Д. В. Тимофеев

Для цитирования: Тимофеев Д. В. Практика освобождения крестьян в вольные хлебопашцы в царствование Александра I // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. Т. 64. Вып. 4. С. 1177–1194. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2019.401>

В статье представлены результаты комплексного анализа практики реализации указа 20 февраля 1803 г., проведенного с целью выявления основных факторов, обусловивших его низкую эффективность, и определения значения юридически разрешаемых конфликтов между помещиками и крестьянами в процессе разработки правительством Александра I основных принципов освобождения крестьян. В первой части статьи на основе сопоставления количественных данных показаны динамика процесса перевода крестьян в вольные хлебопашцы, внутрисословная дифференциация и возможная мотивация помещиков, освободивших крестьян в период с 1804 по 1825 г. Признаваемая автором недостаточность количественных показателей для выявления причин невосстановленности в дворянских кругах права освобождения крестьян обусловила обращение во второй части статьи к практике разбирательств по делам о конфликтах между помещиками и освобождаемыми ими крестьянами. На основе архивных материалов представлены основные «сценарии» возникновения и разрешения таких конфликтов: отказ помещика исполнять условия договора и действия государства по принуждению к освобождению крестьян; несогласие наследников с решениями прежнего владельца и признание необходимости корректировки законодательства. Анализ конкретных случаев позволил выявить разнонаправленность действий, аргументов и мотивации помещиков и/или их наследников в отношении освобождаемых крестьян, оценки со-

Дмитрий Владимирович Тимофеев — д-р ист. наук, проф., Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Российская Федерация, 620990, Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16; Уральский федеральный университет, Российская Федерация, 620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19; dmitrtim@yandex.ru

Dmitrii V. Timofeev — Doctor in History, Professor, Institute of history and Archaeology of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences, 16, ul. Sof'i Kovalevskoy, Yekaterinburg, 620990, Russian Federation; Ural Federal University, 19, ul. Mira, Yekaterinburg, 620002, Russian Federation; dmitrtim@yandex.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2019

временников причин, затрудняющих процесс реализации указа 20 февраля 1803 г. Не менее важным результатом исследования является выявление взаимосвязи между решениями по конкретным делам и выработкой проектов отмены крепостного права в общеимперском масштабе. Главной особенностью данного процесса стало признание важности юридического подтверждения «согласия» помещика и крестьян, необходимости сохранения государственного контроля за соблюдением прав и обязанностей договаривающихся сторон и стратегическая установка на юридическое закрепление многовариантности способов освобождения крестьян. Все это существенным образом оказало влияние на дальнейшую историю подготовки отмены крепостного права в России.

Ключевые слова: крепостной вопрос в России, вольные хлебопашцы, освобождение крестьян, социальный конфликт, проекты отмены крепостного права, межсословные взаимодействия.

The Practice of Turning Serfs into Free Ploughmen During the Reign of Alexander I

D. V. Timofeev

For citation: Timofeev D. V. The Practice of Turning Serfs into Free Ploughmen During the Reign of Alexander I. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2019, vol. 64, iss. 4, pp. 1177–1194. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2019.401> (In Russian)

The article presents the results of the complex analysis of implementation of the decree of February 20, 1803. The first part of the paper demonstrates the dynamics of transition of peasants to free ploughmen on the basis of comparison of quantitative data, as well as the possible motives of the landowners who released them during the period between 1804 and 1825. In the second part of article, the analysis of trials on cases of the conflicts between landowners and emancipated peasants is carried out. Based on archival materials, main scenarios of the conflicts are presented: refusal of the landowner to execute terms of the contract and actions of the state aimed at coercion into emancipating serfs; disagreement of successors with the decisions of the former owner and recognition of the need of updating the legislation. The article reveals divergence of actions, arguments and motives of landowners concerning the released peasants, the evaluation of the reasons hindering the process of implementation of the decree of February 20, 1803, by contemporaries. As a result, the research shows the correlation between the decisions on individual cases and the development of projects on abolishing serfdom at a national scale. The recognition of importance of legal confirmation of “consent” of the landowner and peasants; the need for preserving state control over observance of the rights and obligations of contracting parties, and strategy for legal confirmation of diverse ways of releasing peasants became important features of this process.

Keywords: serf issue in Russia, free ploughmen, emancipation of peasants, social conflict, projects of abolishing serfdom, interclass interactions.

В России начала XIX в. актуализации в общественном сознании так называемого крепостного вопроса способствовало издание указа 20 февраля 1803 г.¹, в соответствии с которым помещикам предоставлялось право освобождения крестьян с землей «целыми селениями» с обязательным заключением утверждаемого

¹ Именной, данный Правительствующему сенату — «Об отпуске помещиками крестьян своих на волю по заключении условий на обоюдном согласии основанных» // Полное собрание законов Российской Империи, с 1649 года. СПб., 1830. Т. XXVII. № 20.625. С. 462–463. (Далее — ПСЗ-I.)

в особом порядке договора. Данная мера, по мнению инициатора издания указа С. П. Румянцева и поддержавших его членов Государственного совета², рассматривалась как расширение уже закрепленного в предшествующем законодательстве права помещика на личное освобождение крепостных людей. Однако одновременно с признанием целесообразности предложения С. П. Румянцева в Госсовете прозвучали и опасения в неправильном понимании смысла указа крестьянами, которые «возмечтают о неограниченной свободе» и, «...не быв в состоянии ни измерить всей тягости сих условий, ни расчесть возможности их сил, войдут с помещиками их в сделки для них разорительные». Не меньшую обеспокоенность члены Совета выразили и в отношении помещиков. Предполагалось, что одна часть будет подвержена слухам и «усмотрит» в действиях правительства «первое потрясение их собственности», а других помещиков издание указа «...по жадности в прибытках вовлечет в своекорыстные расчеты», и они, «пользуясь расположением крестьян к свободе... будут представлять отяготительные им условия»³. Таким образом, даже на этапе обсуждения возможных последствий реализации предложения С. П. Румянцева подчеркивалось, что публичное объявление о праве освобождения частновладельческих крестьян с землей может стать причиной возникновения конфликтных ситуаций между помещиками и крепостными людьми⁴. Стремясь минимизировать возможные негативные последствия перехода в новое состояние «свободных землепашцев», члены Совета настаивали на необходимости выработки процедуры удостоверения «обоюдного» и «добровольного» согласия при подписании договоров между помещиком и крестьянами.

Дальнейшие события показали, что указ 20 февраля 1803 г. не имел широко-го распространения⁵, а детально прописанная в инструкции министру внутренних дел процедура достижения «добровольного согласия» на практике не исключала возникновения конфликтных ситуаций между помещиками и крестьянами. Такой результат был не только следствием нежелания большинства помещиков отпускать своих крестьян на «волю», но и свидетельством разнонаправленности мотиваций в среде российского дворянства, отсутствия механизмов оперативного решения конфликтов между представителями юридически неравноправных социальных групп и нарастающей бюрократизации процесса корректировки действующего законодательства.

² Архив Государственного совета. Т. 3. Царствование императора Александра I (1801–1810 гг.). СПб., 1878. С. 783–788.

³ Там же. Т. 3. С. 784–785.

⁴ Дворянством данный указ был воспринят неоднозначно. В частной переписке и разговорах высказывались как позитивные, так и негативные оценки, см. подробнее: *Семевский В. И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. Т. 1. СПб., 1888. С. 252–281.

⁵ См.: *Сергеева Н. И.* Анализ количественных показателей действия Указа о свободных хлебопашцах // Вопросы истории России XIX — начала XX века: межвуз. сб. Л., 1983. С. 57–68; *Блаткова В. В.* Указ о вольных хлебопашцах 20 февраля 1803 года // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. 1994. Вып. 4, № 27. С. 98–101; *Медушевский А. Н.* Проекты аграрных реформ в России: XVIII — начало XXI века. М., 2005. С. 69. — Увеличение количества крестьян, обладавших землей на праве собственности, по мнению, например, М. И. Роднова, произошло в первой четверти XIX века не в связи с указом 20 февраля 1803 г., а благодаря положениям указа 12 декабря 1801 г., предоставлявшим всем свободным подданным приобретать ненаселенные земельные участки, см.: *Роднов М. И.* Дореформенные крестьяне-собственники в России (опыт изучения вопроса на примере Уфимской губернии) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2018. № 2 (46). С. 41.

Подтвердить данное предположение возможно посредством последовательного решения нескольких исследовательских задач: проведения анализа количественных результатов процесса освобождения крестьян в контексте выявления экономического положения и мотивации помещиков; выявления различных моделей поведения участников конфликтов, возникавших между помещиками (или их наследниками) и освобождаемыми ими крестьянами; сопоставления аргументов, высказываемых как сторонами конфликтного взаимодействия, так и «внешними» участниками обсуждений в высших административных структурах «по делам о крестьянах, отыскивающих свободу из владения помещиков».

Динамика освобождения крестьян и внутригрупповая дифференциация землевладельцев

В соответствии с указом 20 февраля 1803 г. прошения помещиков о разрешении перехода частновладельческих крестьян в вольные хлебопашцы при условии соблюдения предшествующих этому формальных процедур должны были подаваться императору через министра внутренних дел. Такой порядок обусловил положение, при котором в МВД формировались статистические данные о количестве освобожденных помещиками крестьян. Именно этот комплекс данных стал основанием для публикации Н. Варадиновым погодных сведений о количестве вольных хлебопашцев в многотомном издании «История Министерства внутренних дел»⁶, объединенных позднее А. В. Романовичем-Славатиным в сводную (за период с 1804 по 1855 г.) таблицу⁷. Данные Министерства внутренних дел использовал также В. Вешняков. Автор, оговариваясь, что в действительности были случаи освобождения крестьян, не учтенные в отчетах министерства (по решению Сената, высочайше утвержденным мнениям Государственного совета и др.), составил подробное описание процесса перехода крепостных крестьян в «состояние вольных хлебопашцев» в 1804–1858 гг. по ряду количественных показателей⁸. Сопоставление представленных в указанных изданиях данных, на которые впоследствии (прямо или опосредованно) будут ссылаться как дореволюционные, так и советские, и современные исследователи, позволяет констатировать несовпадения количественных показателей: 1) В. Вешняков за период с 1804 по 1858 г. показывает 107 796 душ (по сведениям казенных палат — 151 975), из них в царствование Александра I — 36 846⁹; 2) А. В. Романович-Славатинский приводит сведения о 115 734 крестьянах, освобожденных 384 помещиками в 1804–1855 гг., и 47 286 крестьянах, переведенных в свободные хлебопашцы в 1804–1825 гг.¹⁰; 3) В. И. Семевский, суммируя данные МВД и случаи выкупа крестьян казной, указывал общую цифру освобожденных в царствование Александра I — 47 153 души мужского пола¹¹, которая неоднократно

⁶ Варадинов Н. История министерства внутренних дел. Ч. 1–3. СПб., 1858–1863.

⁷ Романович-Славатинский А. В. Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. СПб., 1870. С. 540–541.

⁸ Вешняков В. Крестьяне-собственники в России. СПб., 1858. С. 60, 70–71, 82–134.

⁹ Там же. С. 61–65, 70–71, 82–95.

¹⁰ Романович-Славатинский А. В. Дворянство в России... С. 540–541.

¹¹ Семевский В. И. Крестьянский вопрос в России... С. 266.

но воспроизводилась в работах исследователей¹²; 4) по подсчетам Н. И. Сергеевой, в первой четверти XIX в. на основании указа 20 февраля 1803 г. было освобождено 36 327 душ мужского пола¹³.

В условиях множественности представленных в историографии количественных показателей наиболее информативными являются данные В. И. Вешнякова. Составленные им приложения содержат поименный список помещиков, заявивших о желании освободить крестьян в вольные хлебопашцы, с указанием условий договора (размер земельного участка и денежного выкупа), что позволяет проследить динамику и выявить возможную мотивацию помещиков¹⁴.

На основании данных В. И. Вешнякова подсчитано, что в период с 1803 по 1825 г. 163 помещиками был заключен 171 договор¹⁵, а общее число крестьян, получивших свободу, составило 36 846 чел.¹⁶ Проведенный анализ динамики процесса освобождения крестьян по указу о вольных хлебопашцах в царствование Александра I позволяет констатировать отсутствие прямой зависимости между количеством договоров и численностью освобождаемых крестьян (рис. 1).

Наибольшее количество было освобождено в 1804, 1810, 1814, 1819, 1823 гг. При этом значительная часть крестьян в обозначенные на графике «пиковые годы» была освобождена по инициативе одного крупного землевладельца: в 1804 г. всего освобождено 8218 чел., из которых 5001 чел. принадлежали статскому советнику Петрово-Солово; в 1810 г. из 7247 чел. получили «свободу из владения» Игнатия Карпия 7000 чел.; в 1814 г. из 1954 крестьян были освобождены 1014 чел. отставным поручиком Рословлевым; в 1819 г. из 4660 чел. были 2973 освобождены по договору с обер-камергером Саратовской губернии Нарышкиным; в 1823 г. помещица Проккофьева посредством заключения пяти договоров отпустила на волю 995 крестьян (всего за год освобождено 2032 чел.).

Большой удельный вес крестьян, освобожденных крупнопоместными дворянами в указанные годы, может сформировать впечатление, что именно эта внутрисословная группа оказалась наиболее отзывчива к объявленному в манифесте 20 февраля 1803 г. разрешению верховной власти освобождать крестьян с землей. Однако данное утверждение при отсутствии достоверных сведений о суммарном

¹² См., напр.: Литвинов М. А. История крепостного права в России. М., 1897. С. 122; Мироненко С. В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989. С. 73.

¹³ Сергеева Н. И. Анализ количественных показателей действия указа о свободных хлебопашцах // Вопросы истории России XIX — начала XX века: межвуз. сб. Л., 1983. С. 62. — Эти же данные воспроизводит А. Н. Долгих: 1) Законодательство о вольных хлебопашцах и его развитие при императоре Александре I // Отечественная история. 2008. № 5. С. 63; 2) Крестьянский вопрос во внутренней политике российского самодержавия в конце XVIII — первой четверти XIX веков. Т. 2. Липецк, 2006. С. 173.

¹⁴ Вешняков В. Крестьяне-собственники в России. С. 61–66, С. 70–71, 82–95.

¹⁵ Несоответствие количества договоров и численности помещиков обусловлено рядом обстоятельств: 1) семь помещиков неоднократно (от 2 до 5 договоров) становились инициаторами освобождения крестьян; 2) в списке за 1811 г. под одной записью размещена информация о заключении семи договоров без указания фамилий помещиков.

¹⁶ Подсчеты произведены по: Вешняков В. Крестьяне-собственники в России. С. 82–95. — В 1826 и 1828 гг. два договора, заключенные в 1821 и 1823 гг., были аннулированы в связи с неисполнением условий со стороны крестьян, и в «крепостное состояние» было возвращено 523 человека, см.: Там же. С. 91, 94. — Указанное общее количество освобожденных крестьян — результат анализа поименного списка дворян, а также учета данных без указания фамилий помещиков в период с 1804 (первый случай освобождения) по 1825 г.

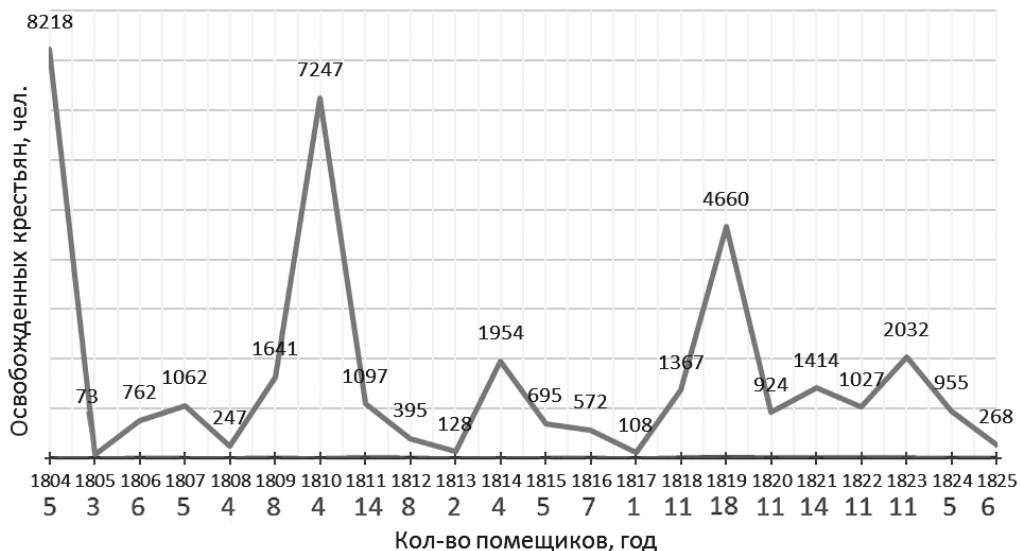

Рис. 1. Динамика освобождения крестьян по указу 20 февраля 1803 г. в царствование Александра I (сост. по: [Вешняков В. Крестьяне-собственники в России. С. 82–95])

количестве крестьян у каждого из 163 помещиков в различных имениях может оказаться некорректным, так как крупнопоместный дворянин мог освобождать и относительно небольшое количество крестьян, или даже одного крестьянина, который, по его мнению, «достоин» получить «вольную»¹⁷. Более полную картину дает сравнительный анализ численности крестьян, освобождаемых *каждым в отдельности помещиком* в царствование императора Александра I (рис. 2). Используя составленный В. И. Вешняковым общий список помещиков, были получены следующие количественные данные: 68 помещиков (41,7 %) освободили от 1 до 20 крестьян, что в совокупности с другими договорами, регламентировавшими условия перехода в «состояние свободных хлебопашцев» до 100 крепостных людей, составляло 68 % от общего числа помещиков (111 чел.). На этом фоне лишь 26 помещиков (15,9 %) инициировали процесс перехода в вольные хлебопашцы от 100 до 500 крестьян, 5 помещиков (3 %) — от 500 до 1000 чел., и лишь шесть дворян-землевладельцев (3,6 %) отпустили от 1000 до 5000 и более крепостных людей. Таким образом, даже с учетом высказанного ранее предположения о возможности крупных помещиков освобождать минимальное количество крестьян можно констатировать количественное преобладание случаев перевода крестьян в вольные хлебопашцы мелкопоместными и среднепоместными дворянами.

¹⁷ По данным В. Вешнякова, были случаи освобождения в вольные хлебопашцы одного и двух крестьян. При этом освобождение могло формально сопровождаться составлением отпускной, но в статистике МВД такие крестьяне причислялись как «увольненные в вольные хлебопашцы» по указу 20 февраля 1803 г. Так, например, в Коломенском уезде Московской губернии генерал от кавалерии князь Волконский с разрешения министра внутренних дел уволил по отпускной в свободные хлебопашцы одного человека с наделением 25 дес. земли, а в Санкт-Петербургской губернии генерал-лейтенант Оболянинов освободил двух крестьян при условии единовременной выплаты в размере 2800 руб., см.: Вешняков В. Крестьяне-собственники в России. С. 84–85.

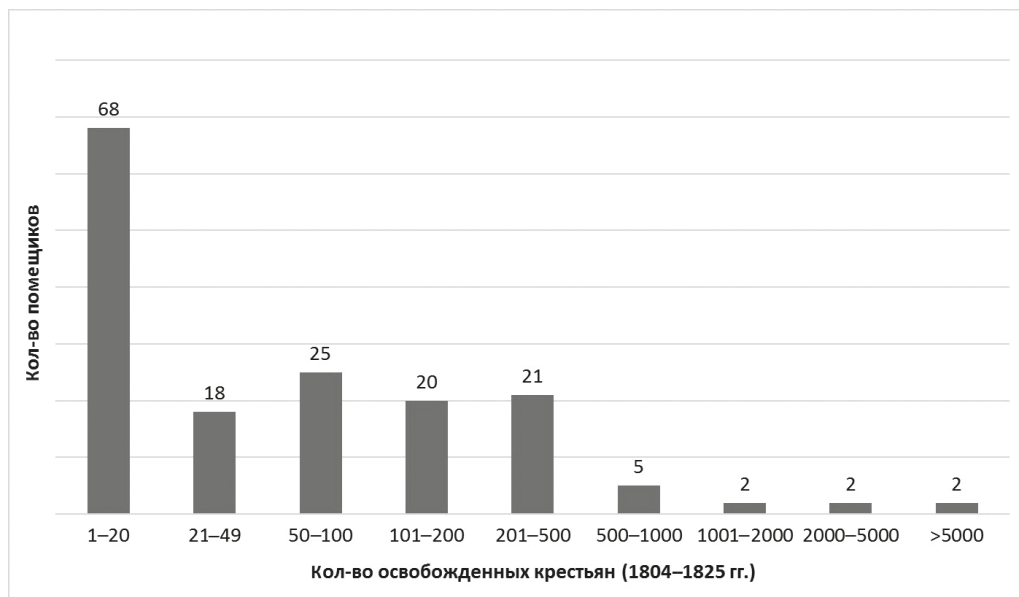

Рис. 2. Соотношение количества помещиков и освобожденных крестьян (1804–1825 гг.) (сост. по: [Вешняков В. Крестьяне-собственники в России. С. 81–95])

Но и это утверждение при всей важности количественных показателей для понимания внутрисословного статуса помещиков не позволяет понять причины низкой эффективности указа 20 февраля 1803 г. Для их выявления важно сопоставить ряд объективных условий и субъективных мотивов, руководствуясь которыми некоторые российские дворяне предоставляли крестьянам возможность получить личную свободу и землю. В действительности количество таких помещиков превышало 163 человека, так как известны случаи, когда о намерении «уволить» крепостных людей в «вольные землепашцы» было заявлено, но формально процедура освобождения не была завершена.

Мотивацию помещиков возможно обнаружить посредством сопоставления содержания заключаемых с крестьянами договоров и предлагаемых в дворянских проектах аргументов о целесообразности постепенной ликвидации «рабства крестьян» в России¹⁸. Так, в дворянских проектах отчетливо прослеживаются два обоснования: 1) несоответствие нормам христианской морали исторически сложившейся традиции личной зависимости крестьян, которая в случаях проявления жестокого обращения помещика сопоставима с «рабством»; 2) освобождение крестьян с землей за выкуп, или установленный объем натуральных повинностей, как способ улучшения финансового положения небогатых дворянских семей. По-

¹⁸ По подсчетам А. Н. Долгих, в годы правления Александра I было составлено 493 проекта: 122 консервативных, 13 из них в различной форме предполагали усиление контроля над крестьянами; авторы 109 проектов считали возможным без существенных изменений сохранить крепостное право. К либеральным, по мнению автора, могут быть отнесены 384 проекта. Из них 204 направлены на смягчение крепостного права, 180 — предполагали его отмену. См.: Долгих А. Н. Крестьянский вопрос в России в дворянских проектах конца XVIII — первой четверти XIX в.: опыт анализа // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. Т. 13, № 3. С. 25.

казательно, что оба эти аргумента приводились и в инициативной записке С. П. Румянцева. Ее автор, размышляя о необходимости юридического закрепления права помещика отпускать крестьян посредством составления письменных «условий», утверждал, что данная мера открывает перспективу постепенного уничтожения «рабства» как «ужаснейшего бедствия». Он, обращаясь к Александру I, писал, что ему должно быть «небезызвестно» настроение многих помещиков, которые «...находят выгоды чрезвычайные увольнять лично крестьян из платы, следственно уволили бы их охотно и целыми селениями, когда находили бы в том против продажи преимущество»¹⁹.

На практическом уровне, в текстах отпускных и всеподданнейших прошений помещиков, объявлявших о желании перевести крестьян в «состояние свободных хлебопашцев», морально-этическая мотивация приобретала менее возвышенный характер и могла выражаться в отождествлении освобождения с наградой за многолетний добросовестный труд конкретных крестьян. Косвенным подтверждением отсутствия материальной заинтересованности отдельных помещиков являются данные о количестве дворян, освободивших крестьян *без платы*. Однако такой сценарий не являлся широко распространенным: в период с 1804 по 1825 г. безвозмездный вариант предоставления личной свободы реализовали суммарно всего лишь 18 помещиков в Вологодской, Казанской, Новгородской, Московской, Витебской, Новгородской, Симбирской, Нижегородской, Ярославской, Рязанской, Слободско-Украинской (Харьковской), Орловской, Костромской и Оренбургской губерниях. Большинство же дворян в качестве обязательных условий договора указывало денежные выплаты или натуральные повинности в пользу помещика, его наследников или, что упоминалось значительно реже, различных больниц, опекунских советов, сиротских домов, школ, церковных приходов и т. п. учреждений. Преобладание требований о денежных выплатах позволяет предположить, что часть помещиков, не имея стабильного дохода в форме жалованья, в условиях низкой рентабельности небольших помещичьих хозяйств и наличия долговых обязательств, рассматривали увольнение крестьян в «свободные землепашцы» как способ решения неотложных финансовых проблем. Для таких помещиков принципиально важен был не только размер выкупных платежей, но их регулярность и долговременный характер. В данном контексте не случайно, что в списке дворян, предоставивших крестьянам свободу, было много женщин-помещиц²⁰, которые в силу различных обстоятельств (вдовы, сестры, дочери умерших помещиков) не имели другого постоянного источника дохода и могли рассчитывать на стабильное получение выплат от крестьян в течение нескольких лет.

¹⁹ Румянцев С. П. Записка, поданная Государю о вольных земледельцах (ноябрь 1802 г.) // Крестьянский вопрос в России (1796–1830 гг.): Дворянское общество и власть: сб. док. Т. 1. / подгот., введ. и коммент. А. Н. Долгих. Липецк, 2005. С. 214–215.

²⁰ Всего выявлено 68 помещиц (с учетом случаев, когда один человек неоднократно был инициатором процедуры освобождения в разных имениях или в разные годы), воспользовавшихся правом освобождения крепостных с заключением договора о денежной выплате или выполнении крестьянами в течение определенного срока установленного вида работ.

Основные «сценарии» разрешения конфликтов между помещиками и освобождаемыми крестьянами

В соответствии с официально опубликованными Министерством внутренних дел «Правилами при рассмотрении условий между помещиками и крестьянами»²¹ на различных этапах процедуры перевода крестьян в состояние «свободных земледельцев» были задействованы помещик, крестьяне / выборный представитель от крестьян, земский исправник, уездный землемер, уездный предводитель дворянства, чиновники гражданской палаты, губернский предводитель дворянства, министр внутренних дел и император. При нарушении установленных правил или вынесении «присутственными местами» различного уровня взаимоисключающих решений по конкретному делу участниками рассмотрения «дел об отыскании крепостными людьми свободы» становились сенаторы, члены Департамента гражданских и духовных дел Государственного совета, министр внутренних дел, сотрудники «Комиссии составления законов» и, в качестве высшей инстанции, принимающей окончательное решение, — российский император.

Нередко возникали конфликты, большинство из которых было связано с несоблюдением юридических формальностей процедуры перехода крестьян в свободные хлебопашцы, отказом помещика от ее завершения и жалобами наследников на решение об отпуске крестьян. Обращение к материалам такого рода дел позволяет выявить аргументы помещиков и чиновников, принимавших решение об освобождении крестьян, или, напротив, об их возвращении в «прежнее крепостное состояние». В результате сопоставления практических действий участников конфликта, постановлений Сената, Государственного совета, а в отдельных случаях и Комиссии составления законов, обнаружено несколько «сценариев» разрешения дел о крестьянах, ищущих свободы на основании указа 20 февраля 1803 г.

Первый такой «сценарий» возникал при отказе помещика от подписанного ранее соглашения с крестьянами о переводе их в состояние «свободных земледельцев». Характерным примером такого развития событий является дело о крестьянах отставного гвардии поручика Петра Рословлева, подписавшего в марте 1810 г. с крестьянами договор об условии выкупа 1014 «душ мужского пола» с землей, лесами и «всякими угодьями». По условиям соглашения, крестьяне должны были до 1813 г. выплатить помещику 200 тыс. руб. Из этой суммы 85 тыс. руб. было передано помещику сразу после подписания договора, 15 тыс. руб. — в мае 1810 г., 100 тыс. руб. необходимо было выплатить в срок до 1 февраля 1813 г. Одновременно с этим крестьяне брали на себя обязательство выплатить долг помещика в размере 75 тыс. руб. в Московский опекунский совет²². Однако через некоторое время после подписания договора П. Рословлев отказался от намерения освободить своих

²¹ Правила, постановленные по мнению Государственного совета по заключении условий на обоюдном соглашении в руководство министру внутренних дел при рассматривании условий между помещиками и крестьянами по указу февраля 20 дня 1803 года // Санкт-Петербургский журнал. 1804. № 6, июнь. С. 11–16; Высочайше утвержденные правила, поставленные в руководство министру внутренних дел при рассматривании условий между помещиками и крестьянами по указу февраля 20 дня // ПСЗ-I. Т. XXVII, № 20.625. С. 466.

²² Архив Государственного совета. Т. 4. Царствование императора Александра I (с 1810 по 19 ноября 1825 года). Журналы по делам департамента гражданских и духовных дел. Ч. 1. СПб., 1892. Стб. 603–609.

крепостных людей. Для завершения установленной процедуры он должен был, составив план раздела земли между крестьянами, представить его вместе с договором и всеподданнейшим прошением губернскому предводителю дворянства для последующей передачи через министра внутренних дел на утверждение императору²³. Следствием такого поведения Рословлева стал многолетний конфликт между помещиком и крестьянами.

Крестьяне подали в Сенат прошение о предоставлении им свободы, акцентируя внимание чиновников на том, что они своевременно выполняли все финансовые условия договора²⁴. Помещик П. Рословлев считал требования крестьян необоснованными, так как он не подавал обязательного для таких случаев прошения на высочайшее имя, а все полученные ранее деньги возвратил крестьянам. Все это, по его мнению, давало ему основание в апреле 1813 г. направить в Сенат жалобу на «неповиновение крепостных людей законной власти помещика». После этого крестьяне обратились с повторной жалобой, в которой они вновь заявляли о желании перейти в вольные земледельцы и сообщали, что они отказались принимать возвращенные помещиком деньги и передали их на хранение в Приказ общественного призрения²⁵. Следствием взаимных претензий стало предписание губернскому начальству «...предохранять имение от своевольных распоряжений помещика»²⁶.

Основанием для такой патерналистской меры было утверждение о приоритетности публично зафиксированного *взаимного согласия* над намерением помещика отказаться от принятого им ранее решения. Именно с этих позиций Сенат признал подписанный Рословлевым договор «актом действительным» и предложил в качестве превентивной меры распространить на все аналогичные случаи правило: если «...помещик будет упорствовать в подаче просьбы или в подписании реестра о разделе земли», предоставить возможность самим крестьянами определить размер участков «безобидно по общему согласию», а предводителю дворянства, не дожидаясь составления владельцем имения прошения на высочайшее имя, делегировать право отправлять все необходимые документы министру внутренних дел «...для рассмотрения и доклада Его Императорскому Величеству»²⁷. Данное мнение Сената было поддержано на заседании Департамента гражданских и духовных дел Государственного совета 12 сентября 1812 г.²⁸

Принятое решение завершить процедуру освобождения *без участия землевладельца*, по сути, было *актом принуждения помещика* исполнить свои обязательства перед крестьянами. Подтверждением действенности такой политики правительства в отношении конкретных помещиков были два письма Рословлева в 1813 г.,

²³ О крестьянах Рязанской губернии, Зарайского уезда, сел Ловец и Бело-Омута гвардии поручика Рословлева, уволенных им в свободные хлебопашцы // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1151. Оп. 1. Т. 1. 1812. Д. 83. Л. 2–3; Архив Государственного совета. Т. 4. СПб., 1892. Стб. 606.

²⁴ В 1812 г. по поручению императора министр внутренних дел представил дело в Департамент гражданских и духовных дел Государственного совета. На момент его рассмотрения (12.09.1812) долг крестьян помещику составлял всего лишь 6000 руб. Основная же сумма задолженности крестьян предназначалась Опекунскому совету. См.: Архив Государственного совета. Т. 4. Ч. 1. Стб. 603–609.

²⁵ О крестьянах Рязанской губернии... Л. 5–6 об.

²⁶ Там же. Л. 6 об., 12.

²⁷ Там же. Л. 2–3; Архив Государственного совета, Т. 4. Ч. 1. Стб. 603.

²⁸ О крестьянах Рязанской губернии... Л. 14–17; Архив Государственного совета, Т. 4. Ч. 1. Стб. 607.

в которых он заявлял министру внутренних дел о согласии «...все споры с крестьянами своими прекратить» и завершить освобождение своих крестьян в установленном указом 20 февраля 1803 г. порядке. В итоге 7 января 1814 г. император утвердил условия перехода крестьян поручика Рословлева в свободные землепашцы²⁹. И хотя такой сценарий был скорее исключением из общей практики, он является яркой иллюстрацией существования в дворянских кругах двух противоположных позиций: одни считали, что помещик вправе в любой момент до получения высочайшего соизволения изменить свое решение, а другие настаивали на неизменном характере письменно зафиксированного «согласия», даже в случае если формально процедура освобождения не была завершена.

Более распространенной ситуацией *юридически разрешаемых конфликтов* между помещиками и крестьянами являются случаи оспаривания наследниками воли умершего помещика «об увольнении крестьян в свободные хлебопашцы». Показательный пример реализации такого сценария — история разбирательства по делу крестьян статского советника Николая Кузьмина, который 6 октября 1811 г. составил отпускные об освобождении с землей 25 крестьян селца Долгино Покровского уезда Владимирской губернии и 15 крестьян села Обросово и деревни Телешово Тульской губернии. Отпускные были подписаны без указания условий освобождения, при соблюдении лишь одного обстоятельства: при жизни помещика они должны были выплачивать все подати и исполнять установленные ранее отработки, а после его смерти — перейти в «свободное состояние». Составленное 18 октября 1812 г. распоряжение было передано в уездный суд и утверждено помещиком в присутствии его душеприказчика генерал-майора Абрамова. После смерти Кузьмина (23 октября 1812 г.) на основании представленных 9 декабря 1812 г. в Гражданскую и Казенную палаты отпускных крестьяне получили свободу и выделенные им участки земли. Однако уже через несколько дней после смерти Кузьмина его родные сестры — Александра, Анна и Марья — подали прошение в Покровский уездный суд об отмене выданных отпускных, утверждая, что их брат, вопреки требованиям 1 пункта указа 20 февраля 1803 г., не составил с крестьянами письменных условий и не представил их через губернского предводителя дворянства министру внутренних дел. Именно поэтому, по их мнению, выданные помещиком «отпускные» могут считаться «обыкновенными», а следовательно, недействительными, так как по ним крестьяне не могли освобождаться с наделением принадлежащей помещику земли³⁰. Высказанные сестрами аргументы не убедили судей Покровского уездного суда, отказавшего 1 ноября 1812 г. в удовлетворении их прошения, так же как и апелляционной инстанции — Владимирской гражданской палаты, которая решением 24 января 1817 г. подтвердила законность освобождения крестьян³¹.

Казалось бы, на этом история освобождения крестьян могла быть завершена, но сестры Кузьмина продолжили тяжбу за утраченную землю и право владения крестьянами, обратившись с жалобой на решение Владимирской гражданской палаты в 7-й департамент Сената. В результате рассмотрения материалов дела сенаторы отменили решение Владимирской гражданской палаты с формулировкой: «всем

²⁹ Вешняков В. Крестьяне-собственники в России. С. 86.

³⁰ О составлении проекта правил для увольнения крестьян вообще // РГИА. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 807. Л. 24.

³¹ Там же. Л. 31–33.

оним крестьянам остаться во владении наследниц его Кузьмина»³². Ответной реакцией на это постановление была «всеподданнейшая жалоба от крестьян Игнатьева и Степанова с товарищами»³³, которая стала инициативным документом для дальнейшего рассмотрения дела — сначала в Общем собрании департаментов московского Правительствующего сената, а затем в Комитете министров и Государственном совете. При этом сенаторы, министр юстиции и министр внутренних дел выразили согласие с решением 7-го департамента о возвращении крестьян наследницам, а большинство членов Комитета министров посчитали, что данное дело не может быть решено в рамках действующего законодательства, и обратились к императору с предложением рассмотреть его в Государственном совете³⁴. Показательно, что аналогичная просьба была высказана и от имени крестьян, которые напоминали, что они уже почти 10 лет находятся в состоянии «вольных хлебопашцев» и не должны быть возвращены во владение наследников бывшего помещика.

Следует отметить, что с момента передачи дела на рассмотрение в Департамент гражданских и духовных дел Государственного совета конфликт между наследниками умершего помещика и крестьянами приобрел принципиально новое качество: он стал основанием для размышлений о необходимости корректировки законодательства с целью упрощения процедуры освобождения крестьян в «вольные хлебопашцы». В ходе обсуждения по данному вопросу было отмечено несколько принципиально важных моментов.

Бесспорным признавалось, что «распоряжение помещика Кузьмина касательно отпуска людей его на волю лично не может подлежать опровержению, ибо право сие принадлежит всякому помещику...»³⁵. При таком подходе главная проблема, которая возникала в связи с несоблюдением формальной процедуры, — вопрос о законности безусловной передачи земли крестьянам, а принципиально важным обстоятельством, придающим юридическую значимость данному решению, — добровольное согласие помещика. По мнению членов Государственного совета, «воля помещика Кузьмина о увольнении крестьян с землею не подлежит сомнению», так как он при подписании документов был «допрошен» работниками уездного суда о добровольности своих действий³⁶. Аргументируя необходимость и обязательность публично высказанного согласия помещика, участники заседания обратились к резолюции императора по аналогичному делу о крестьянах помещика Петра Рычкова³⁷. Примечательно, что текст резолюции Александра I был дословно воспроизведен в журнале заседаний по делу крестьян Кузьмина и содержательно включал три смысловых акцента: 1. При несоблюдении формальных процедур доминирующее значение имеет «...намерение помещика уволить крестьян»; 2. Отсутствие сомнений в направленности «воли помещика» делает возможным не оставивать процедуру освобождения крестьян, так как «...сурово будет препят-

³² Там же. Л. 34.

³³ Там же. Л. 36–37.

³⁴ Там же. Л. 37–42, 45–46.

³⁵ Там же. Л. 46.

³⁶ Там же. Л. 47.

³⁷ Дело рассматривалось в Государственном совете 28 июня 1822 — 8 января 1823 г. Участники заседания не смогли выработать единое мнение. Окончательное решение было сформулировано в резолюции императора 13 февраля 1823 г. См.: Архив Государственного совета. Т. 4. Ч. 1. СПб., 1892. Стб. 682–693.

ствовать улучшению участи сих людей единственно за несоблюдением форм...». 3. Освобожденным крестьянам необходимо предоставить право «...избирать самим, в свободные хлебопашцы записаться или в казенные поселяне»³⁸.

В дальнейшем именно эти три позиции становятся основанием для формулировки постановления: «...крестьян бывших помещика Кузьмина согласно данной им отпускной, сделав свободными, и предоставив им землю в отпускных означенную, причислить в звание свободных хлебопашцев»³⁹. Следуя логике императорской резолюции, члены Государственного совета акцентировали внимание на необходимости упрощения процедуры перехода крепостных людей в «новое состояние» и упразднения в будущем случаев, когда люди получали надежду на освобождение, но лишались ее по независящим от них обстоятельствам. В представленном весной 1824 г. на рассмотрение общего собрания заключении Департамента гражданских и духовных дел констатировалась чрезмерная формализация освобождения крестьян. По словам участников заседания, именно «...формы сии многосложностью своею препятствуют составлению условий между помещиками и крестьянами», что приводило к положению, при котором «...большая часть таковых условий, составленных по взаимному согласию помещика с крестьянами, были доселе уничтожаемы единственно по несоблюдению всех их многообразных форм»⁴⁰. При этом, размышляя о причинах, побудивших установить многоступенчатую процедуру освобождения, члены Совета акцентировали внимание на том, что правительство при разработке правил «увольнения в свободные землепашцы» стремилось *защитить крестьян*, но практический опыт реализации указа показал, что установленный порядок «был обращаем часто против крестьян потому только, что сии формы соблюдены не были...»⁴¹.

В качестве одного из возможных способов упрощения процедуры члены департамента предлагали приравнять заключаемые между крестьянами и помещиками условия к обычным «крепостным актам». При этом было отмечено, что неравенство правового статуса участников договора требует особых правил удостоверения добровольности согласия крестьян, которое в случае отсутствия сомнений в намерении помещика освободить крестьян могло даже после его смерти служить достаточным основанием для завершения формальной процедуры⁴². Не менее действенной, по мнению членов Государственного совета, мерой стимулирования помещиков могло стать разрешение «увольнения крестьян не только с землею, но также и без оной»⁴³. Основываясь на признании нетождественности права «недвижимой собственности» и «личной свободы», они предполагали, что часть помещиков, которые ранее не решалась освобождать крестьян из-за опасения потери земли, воспользуются правом увольнения крепостных людей в свободные хлебопашцы. Дополнительным аргументом разрешения безземельного освобождения было заявление о том, что такой сценарий не приведет ни к опустошению помещичьих земель в связи с массовым оттоком работников, ни к обезземеливанию крестьян,

³⁸ О составлении проекта правил... Л. 48.

³⁹ Там же. Л. 48–49.

⁴⁰ Там же. Л. 49.

⁴¹ Там же. Л. 52.

⁴² Там же. Л. 50–52.

⁴³ Там же. Л. 52.

так как в соответствии с указом 12 декабря 1801 г. все свободные подданные Российской империи обладают правом приобретения земельных участков.

Сопоставляя обстоятельства дела крестьян Кузьмина с другими аналогичными случаями, участники заседания констатировали: «...новое в России свободное сословие тогда только в существе своем составиться может, когда на истинных началах учреждено будет и когда отъяты будут существующие ныне препоны помещикам освобождать, а крестьянам получать свободу»⁴⁴. В такой формулировке под «истинными началами» подразумевалось юридически удостоверенное «соглашение» крестьян и помещика, принципиальное разграничение права собственности и личной свободы, а главным условием повышения действенности указа 20 февраля 1803 г. — упрощение формальной процедуры перехода бывших крепостных людей в «новое свободное состояние». Изложенные предложения нашли свое отражение в итоговой резолюции как департамента, так и общего собрания Госсовета. Большинством голосов было принято следующее постановление: «крестьян помещика Кузьмина сделать *свободными*», а для осуществления необходимых изменений в законодательстве, которые должны были способствовать решению крепостного вопроса в общеимперском масштабе, обратиться к императору с предложением поручить «Комиссии составления законов» разработать «...проект правил для увольнения крестьян вообще»⁴⁵.

После утверждения решения императором материалы данного дела 25 сентября 1824 г. были переданы на рассмотрение совета Комиссии составления законов, члены которого сформулировали четыре основных принципа для последующей разработки «проекта правил для увольнения крестьян вообще»: 1. «Отпущение крестьян и дворовых людей лично без земли оставить на основании существующих о сем предмете узаконений»; 2. Дополнить существующие правила пунктом о дозволении отпускать крестьян при жизни помещика посредством «дарственной записи», а «на случай смерти и посредством духовного завещания», четко определив при этом, что помещик может «увольнять в свободные хлебопашцы токмо крестьян благоприобретенных, а не родовых имений»; 3. Сократить количество инстанций, исключив из списка обязательных процедур обязанность помещика предоставлять текст договора и прошение через губернского предводителя дворянства и министра внутренних дел на подпись императору; 4. В целях предотвращения разорения дворян⁴⁶ предлагалось сохранить за помещиком право собственности на земельные участки⁴⁷, которые передавались свободным крестьянам бессрочно (или на определенный срок) с обязательством выплачивать зафиксированную в договоре денежную сумму или исполнять установленный вид работ. При этом подчеркивалось, что помещик не имел бы «права нарушить спокойствие крестьян или требовать от сих последних работ или оброка свыше определенных условием»⁴⁸. Таким образом, по словам членов комиссии, возможно «...образовать новое сво-

⁴⁴ Там же. Л. 53.

⁴⁵ Там же. Л. 54, 55–56, 70, 71.

⁴⁶ Там же. Л. 69, 70.

⁴⁷ Следует отметить, что принцип безземельного освобождения крестьян был уже апробирован в период 1804–1805 и 1816–1819 гг. на территории Лифляндской, Эстляндской и Курляндской губерний.

⁴⁸ О составлении проекта правил... Л. 73–73 об.

бодное крестьянское собрание в России введением нового рода владения землею под названием содержания срочного и бессрочного»⁴⁹.

В дальнейшем обозначенные принципы стали основой для разработанного Комиссией составления законов проекта «Правил об увольнении крестьян»⁵⁰. К сожалению, ограниченный объем настоящей статьи не позволяет подробно изложить содержание данного проекта. Отметим лишь, что содержательно он был направлен на систематизацию и расширение спектра возможных способов освобождения крестьян и упрощение формальных процедур при сохранении обязательного подтверждения добровольности «согласия» крестьян и помещиков. В перспективе предполагалось, что рекомендованные комиссией изменения будут способствовать снижению вероятности возникновения внутри- и межгрупповых конфликтов, причинами которых было не только «естественное» стремление помещиков сохранить право владения землей и «ревизскими душами», но и наличие противоречий в системе нормативно-правовых актов. Позднее понимание необходимости внесения корректировок в действующее законодательство⁵¹ отчетливо прослеживается в работе различных комитетов и комиссий, функционировавших до момента отмены крепостного права в 1861 г.⁵²

В общем виде анализ количественных показателей процесса реализации указа 20 февраля 1803 г. и некоторых его качественных характеристик, зафиксированных в материалах архивных дел о конфликтах между помещиками и освобождаемыми крестьянами, позволяет сделать ряд предварительных выводов.

Причиной низкой востребованности права освобождать крестьян целыми селениями с землей и обязательным заключением договора был комплекс факторов, элементами которого являлись как сугубо экономические обстоятельства, обусловившие нежелание помещиков расставаться с «крещенной собственностью», приносящей значительную часть дохода дворянина, так и сложность бюрократической процедуры перевода крестьян в новое состояние. Именно последнее называлось современниками основным препятствием распространения практики освобождения крестьян по указу о вольных хлебопашцах. Благодаря многочисленным проше-

⁴⁹ Там же. Л. 72–74.

⁵⁰ В деле представлен черновик проекта (Там же. Л. 74–108 об.), который был создан не ранее осени 1824 г. Сокращенный и исправленный вариант этого документа впоследствии был включен в комплекс материалов 1818–1819 гг. для разработки Комиссией составления законов проекта «Уложения о крестьянах», см.: Замечания на труды совершенные и те, которые остается еще совершить по законодательству о крестьянах // РГИА. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 327. Л. 104–107. — Основанием более поздней (1824 г.) датировки проекта являются дословные совпадения «Рассуждений Совета комиссии» раздела «Главные начала, принятые при составлении правил для увольнения крестьян вообще», см.: Записки, замечания, рассуждения о законах по крестьянскому вопросу Совета комиссии и разных лиц // РГИА. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 327. Л. 43–45; О составлении проекта правил... Л. 71–73.

⁵¹ По данным В. И. Крутикова, указ 20 февраля 1803 г. дополнялся и уточнялся 21 раз, см.: Крутиков В. И. Законодательство о помещичьих крестьянах дореформенного времени (1801–1860 гг.) // Социально-экономические проблемы российской деревни в феодальную и капиталистическую эпохи. Ростов н/Д., 1980. С. 112–120.

⁵² См.: Бирюкович В. Судьба указа о свободных хлебопашцах в царствование Александра I // Архив истории труда в России, выпускаемый ученой комиссией по исследованию истории труда в России. Кн. 1. Пг., 1921. С. 63–79; Долгих А. Н. Законодательство о вольных хлебопашцах... С. 51–65; Ружицкая И. В. Законодательная деятельность в царствование императора Николая I. СПб., 2015. С. 43–244; Андреева Т. В. На дальних подступах к реформе. Крестьянский вопрос в царствование Николая I. Исследование и документы. СПб., 2019. С. 102–116.

ниям как со стороны помещиков и их наследников, так и представителей крестьян, оба эти фактора достаточно отчетливо сознавались правительственной элитой. В данном контексте многочисленные разбирательства по делам о крестьянах, стремившихся к свободе из владений конкретных помещиков, способствовали формированию системы обратной связи в системе управления — своеобразного диалога власти и общества по крестьянскому вопросу⁵³.

Однако обращение к частным делам было и главным недостатком такой системы, так как их рассмотрение позволяло обнаружить разнонаправленность действий, намерений и аргументов помещиков. Так, часть поместных дворян, заявивших о готовности освободить крестьян с землей на определенных условиях, руководствовалась стремлением получить в результате перевода крепостных людей в «новое состояние» относительно стабильный доход в форме ежегодных выкупных платежей. Были известны также случаи, когда помещик объявлял о желании освободить крестьян, но только после своей смерти, и либо без платежа, либо с условием внесения крестьянами определенной суммы на содержание разнообразных «богоугодных» заведений. Обосновывая подобные решения, помещик, как правило, высказывал аргументы морально-этического порядка и объявлял о решении даровать свободу крестьянам в качестве награды за многолетний и добросовестный труд. При этом отсроченный во времени сценарий освобождения вызывал неприятие у наследников, которые предпринимали попытки отменить решения своего почившего родственника об освобождении крестьян, выискивая даже незначительные нарушения, допущенные при составлении документов и прохождении многоэтапной процедуры их согласования. В некоторых случаях, как было показано на примере дела помещика Рословлева, и сами помещики сознательно затягивали исполнение подписанных договоров с крестьянами, заявляя об изменении своего решения освободить крестьян.

В совокупности с позицией императора, который неоднократно высказывался о важности проявления «человеколюбия» в отношении крепостных людей, регулярное рассмотрение представителями правительственной элиты аргументов участников конфликтов между помещиками и крестьянами способствовало выработке основополагающих принципов решения крестьянского вопроса в России. Осознание целесообразности освобождения крестьян с землей при одновременном признании необходимости сохранения права собственности дворян на землю способствовало появлению четкого разграничения права личной свободы и права недвижимой собственности. Одним из наиболее важных следствий разбирательств по частным делам о крестьянах становится постановка вопроса о необходимости выработки механизмов юридической защиты интересов крестьян.

В условиях правового неравенства субъектов договора, заключаемого между помещиком и крестьянами, ключевым понятием, с помощью которого представлялось возможным защитить крестьянина от «своекорыстных намерений» отдельных помещиков, становится понятие «согласие». Именно поэтому после процедуры удостоверения добровольности согласия договор уже не мог быть расторгнут по инициативе помещика, а в случае если это происходило, государство принуждало помещика освободить крестьян. При такой трактовке концепта «согласие» госу-

⁵³ См. подробнее: Тимофеев Д. В. Крепостной вопрос в России: социальный диалог и коммуникативные практики власти (первая четверть XIX в.) // *Quaestio Rossica*. Т. 6. 2018. № 4. С. 1129–1143.

дарство выступало не только арбитром, но и своеобразным гарантом выполнения условий соглашения всеми заинтересованными сторонами.

Значительное влияние информация о различных моделях поведения помещиков, выразивших свое согласие освободить крестьян, оказало на разработку методов решения крепостного вопроса в России. Одной из характерных особенностей правительственных проектов первой четверти XIX в., составители которых ссылались на результаты рассмотрения конкретных дел, является *многовариантность способов освобождения*. В данном контексте показательным является предложение членов Комиссии составления законов разрешить одновременно: личное освобождение крестьян без земли с правом ее последующего выкупа, срочной или бессрочной аренды; освобождение по договору с землей за выкуп, а также на основании «отпускного письма» или «духовного завещания». Такая стратегическая установка на многообразие способов освобождения при сохранении контроля со стороны правительства за добровольностью согласия со стороны крестьян позволяла включить в процесс наибольшее количество помещиков, размышлявших о «бесчеловечности рабства», преимуществах наемного труда или заявлявших о намерении вложить полученные от крестьян деньги на развитие собственного хозяйства. Можно предположить, что подобный подход действительно способствовал бы увеличению масштаба и скорости постепенного освобождения крестьян, но неизбежно привел бы к еще большей внутригрупповой дифференциации, а при безземельном освобождении — к фактическому сохранению зависимости крестьян от землевладельцев.

Таким образом, сопоставление «дел о крестьянах, увольняемых помещиками в вольные хлебопашцы», позволяет утверждать, что даже несмотря на относительно небольшое число освобожденных, указ 20 февраля 1803 г. следует признать важным этапом в разработке общих принципов проведения полномасштабной отмены крепостного права. В данном контексте важны не количественные показатели реализации указа, а формирование в процессе рассмотрения жалоб и прошений опосредованной различными государственными структурами системы обратной связи между крестьянами, провинциальными помещиками, местной администрацией и представителями правительственной элиты. В условиях прецедентного права прошения частных лиц были действенным инструментом актуализации вопроса о целесообразности корректировки действующего законодательства и разработки проектов масштабных преобразований. Под воздействием информации о содержании конкретных случаев произошло прощание с иллюзией готовности просвещенных дворян к освобождению крестьян по собственной инициативе, признание важности достижения обоюдного согласия и необходимости сохранении контролирующей, принудительной силы государства к тем, кто не исполнял условия договора. Все это оказывало существенное влияние на процесс разработки вариантов решения крепостного вопроса на протяжении всего периода его существования до 1861 г.

References

Andreeva T. V. *On the Far Approaches to Reform. Peasant Question in the Reign of Nicholas I. Research and Documents*. St. Petersburg, Istoricheskaia illiustratsiia Publ., 2019, 728 p. (In Russian)

- Biriukovich V. Fate of the Decree on Free Bakery Workers in the Reign of Alexander I. *Arkhiv istorii truda v Rossii, vypuskaemyi uchenoi komissiei po issledovaniu istorii truda v Rossii*. Petrograd, 1921, iss. 1, pp. 63–79. (In Russian)
- Blatkova V. V. Free Bakery Decree 20 February 1803. *Vestnik of Saint Petersburg University*. 1994, vol. 6, iss. 4, no. 27, pp. 98–101. (In Russian).
- Varadinov N. *History of the Ministry of the Interior*. Vol. 1–3. St. Petersburg, tipografiia Ministerstva vnutrennikh del, 1858–1863. (In Russian)
- Veshniakov V. *Peasant Owners in Russia*. St. Petersburg, tipografiia V. Bezobrazova i Ko, 1858, 134 p. (In Russian)
- Dolgikh A. N. Free Bakery Legislation and its Development under Emperor Alexander I. *Otechestvennaia istoriia*, 2008, no. 5, pp. 51–65. (In Russian)
- Dolgikh A. N. *The Peasant Question in the Internal Politics of Russian Autocracy in the Late 18th — First Quarter of the 19th Centuries*. Vol. 2. Lipetsk, Lipetsk University Press, 2006, 359 p. (In Russian)
- Dolgikh A. N. Peasant Question in Russia in Noble Projects of the Late 18th — First Quarter of the 19th Century: Experience of Analysis. *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk*, 2011, vol. 13, no. 3, pp. 25–31. (In Russian)
- Krutikov V. I. Legislation on Landlord Peasants of Pre-reform Time (1801–1860). *Sotsial'no-ekonomicheskie problemy rossiiskoi derevni v feodal'nuu i kapitalisticheskuiu epokhi*. Rostov-on-Don, Rostov University Press, 1980, pp. 112–120. (In Russian)
- Litvinov M. A. *History of Serf Law in Russia*. Moscow, tipografiia Vil'de, 1897, 368 p. (In Russian)
- Medushevskii A. N. *Projects of Agrarian Reforms in Russia: XVIII — the Beginning of the 21st Century*. Moscow, Nauka Publ., 2005, 639 p. (In Russian)
- Mironenko S. V. *Autocracy and Reform. Political Struggle in Russia in the Early 19th Century*. Moscow, Nauka Publ., 1989, 240 p. (In Russian)
- Rodnov M. I. Pre-reform Peasant Owners in Russia (Experience of Studying the Issue on the Example of the Ufa Province). *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki*, 2018, no. 2(46), pp. 36–43. (In Russian).
- Romanovich-Slavatinskii A. V. *Nobility in Russia from the Beginning of the 18th Century to the Abolition of Serfdom*. St. Petersburg, tipografiia Ministerstva vnutrennikh del, 1870, 594 p. (In Russian)
- Ruzhitskaia I. V. *Legislative Activity in the Reign of Emperor Nicholas I*. St. Petersburg, IRI RAN Publ., 2015, 360 p. (In Russian)
- Semevskii V. I. *Peasant Question in Russia in the 18th and First Half of the 19th Century*. Vol. 1. St. Petersburg, tipografiia tovarishchestva "Obshchestvennaia pol'za", 1888, 317 p. (In Russian)
- Sergeeva N. I. Analysis of Quantitative Indicators of the Decree On Free Bakery Workers. *Voprosy istorii Rossii XIX — nachala XX veka, mezhvuzovskii sbornik*. Leningrad, Leningrad University Press, 1983, pp. 57–68. (In Russian)
- Timofeev D. The Question of Serfdom in Russia: Social Dialogue and Communicative Practices of Power (First Quarter of the 19th Century). *Quaestio Rossica*, vol. 6, 2018, no. 4, pp. 1129–1143. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 30 мая 2019 г.

Рекомендована в печать 9 сентября 2019 г.

Received: May 30, 2019

Accepted: September 9, 2019